

На пути к Минскому консенсусу: некоторые личные соображения*

Комментарии 03/2017
25 октября 2017

Бен Слэй

Проект финансируется
Европейским Союзом

Исследовательский
Центр ИПМ

ул. Захарова 50 б, 220088, Минск, Беларусь
тел./факс: +375 (17) 210 0105
веб сайт: <http://research.by/>
e-mail: research@research.by

Эта статья представляет собой попытку (со-)автора термина¹ объяснить, что представляет собой «Минский консенсус» (или чем бы он мог стать), и в каком более широком значении он может рассматриваться. Заметки могут стать инструментом для дальнейшего обсуждения на [Кастрычніцкім эканамічным форуме](#); они не претендуют на то, чтобы отражать позицию ПРООН, ООН либо их стран-членов.

С чего начать? Возможно, с того факта, что прочие «консенсусы» (например, [Вашингтонский Консенсус](#), [Пекинский Консенсус](#) и т.д.) преподали нам три урока. **Первый:** они легко приводят к недопониманию и часто предстают в карикатурном виде; подтверждением тому служат [жалобы](#) Джона Уильямсона о чрезмерной упрощенности и неразберихе, которую вызывает полемика над его презентацией Вашингтонского Консенсуса (все еще исключительно здоровой, на мой взгляд, когда рассматривается в своем верном контексте).

Второй: существует потребность в тесной связи между регионом, отмеченном в названии консенсуса, и контекстом самого консенсуса. В оригинальной презентации Уильямсона «Вашингтонский консенсус» берет свое начало именно с того анализа и установок, разработанных и реализованных латиноамериканскими экономистами, как того требовали Бреттон-Вудские институты или правительство США. Добавление определенной локации к определенной парадигме развития служит более развернутой иллюстрацией, как правило, затрагивающей связи между данным местом или страной и важными параметрами консенсуса – вне зависимости от того, берет ли консенсус там свое начало.

Третий: термин «консенсус» в общем-то употребляется неверно, поскольку его изначальный смысл не соответствует общепризнанной трактовке термина. Суть этого «консенсуса» заключается не в том, что все с ним согласны, но скорее в его способности синтезировать и сближать взгляды, что может привести к большей четкости и пониманию. Он облегчает понимание без чрезмерного упрощения.

Рассматриваемый в таком контексте, «Минский консенсус» может быть контекстуализирован следующим

образом. Если рождение Уильямсоновского «Вашингтонского консенсуса» в конце 1980-х гг., последующие постсоциалистические/постсоветские экономические преобразования в Европе и Евразии 1990-х гг. и недавние изменения в глобальной политической экономии принять за единую шкалу времени и систему взглядов, тогда возникают три ключевые урока с важными выводами для «развивающихся», «переходных» и «развитых» стран.

Первый урок заключается в том, что концептуальная цельность безоговорочного «конечного состояния» транзитивного периода, заканчивающегося «успешной демократией», членством в ОЭСР (и Комитете помощи в целях развития) и т.д. – несколько утратила свой блеск. Это не означает, что лучше быть средне-развитой, чем высокоразвитой страной, или что каждый должен хотеть жить в стране, где государство не намеревается защищать права граждан. Это также не означает, что плохо функционирующая экономика и политические институты не могут быть улучшены посредством реформ – конечно же, они могут и должны совершенствоваться.

Тем не менее, президентство Дональда Трампа и новые вызовы, вставшие перед ЕС (например, «еврокризис», миграционный кризис, брексит, целый спектр основанного на национализме популизма и так далее) обострили глубокую неудовлетворенность «блестящим будущим», к которому «развитый Запад» призывал развивающиеся и демократизирующиеся страны на протяжении жизни уже как минимум двух поколений. Но если все большее число состоятельных (в основной своей массе) американцев и западноевропейцев отвергают такую конечную цель, а глобальная политическая экономия, на которой она основывается, оспаривается в том числе странами БРИКС и другими странами, которые являют собой демографическое и экономическое будущее мира, то почему ожидается, что к этой цели должны стремиться другие?

Второй урок заключается в том, что, в противоположность более грубым (не Уильямсоновским) формам трактовки Вашингтонского консенсуса, задачи реформ политики должны заключаться не в усилении

* Перевод [Александра Чубрика](#) и [Анны Огинской](#). Оригинал статьи – Slay, B. (2017). Towards the “Minsk Consensus”: Some personal reflections, IPM Research Center/KEF, [Commentary](#) DP/17/03.

¹ Автор не пытается присвоить себе термин «Минский консенсус», но готов принять на себя полную ответственность за любые ошибки в его концептуализации (хотя не обязательно за ошибки в его применении).

рынков и сокращении роли государства – либо наоборот. Вместо этого они должны касаться усиления и рынков, и государства. Факты говорят о том, что: (а) богатейшие страны мира имеют наиболее эффективные рынки и государственные механизмы и (б) и рынки, и государства нуждаются в эффективной работе друг друга для достижения собственной эффективности. Хорошо функционирующим рынкам необходимы сильные государственные институты для защиты собственности, корректировки «провалов рынка» и обеспечения макроэкономической стабильности. Точно так же и нормально функционирующее государство нуждается в рынках, которые относительно эффективно распределяют ресурсы, тем самым позволяя государству не заниматься «ручным управлением национальной экономикой», а в большей мере стратегические задачи, которые не могут быть оставлены на откуп рынкам.

Третий урок: недавняя история богата болезненными напоминаниями о том, что детерминанты политических и социально-экономических результатов, как и теории о повышении благосостояния и реформы, продиктованные благими намерениями, отходят на второй план по сравнению с факторами политической экономии. Например:

- глобальный финансовый кризис 2008 г. стал результатом не какого-то слепого следования «неолиберальному» рыночному большевизму, но скорее итогом политического воздействия банковских и прочих корпоративных **лобби** в странах ОЭСР, которые «обкорнали» возможности регуляторов воздействовать на возникающие угрозы финансовой стабильности;
- часто упоминаемое «выхолащивание» среднего класса в странах ОЭСР стало итогом не какого-то общего обнищания, связанного с глобализацией, но ограничений, наложенных группами интересов на возможности политиков перераспределять выгоды международной торговли от победителей к проигравшим²;
- как отмечал **Хеллман** примерно двадцать лет назад, провалы рыночных реформ в достижении желаемых результатов в странах с переходной экономике произошли не из ошибочных идеологических подходов («шоковой терапии» или «градуализма») как таковых, но скорее в результате появления (часто благодаря самим реформам) новых политических интересов (например, олигархов), которые исказили, ослабили, или заблокировали проведение реформ государственного управления (например, политики содействия конкуренции, антикоррупционных инициатив), необходи-

мых для того, чтобы перейти от большего полагания на действие рыночных сил к лучшим результатам развития.

Какое отношение это все имеет к Минску? В этом контексте Беларусь может рассматриваться как страна с тремя важными характеристиками. **Во-первых**, Беларусь является переходной экономикой, которой удалось избежать наихудших разочарований, связанных с рыночными реформами, в то же время сохраняя (и до определенной степени модернизируя) потенциал государства, унаследованный от Советского Союза. Многие наблюдатели, конечно, скажут, что Беларусь смогла избежать дилемм рыночных реформ, просто не реализуя их в полной мере – и в таких аргументах, конечно, что-то есть. Тем не менее, это не отменяет того факта, что Беларусь намеревается усилить рыночные механизмы, продолжая одновременно модернизировать государственные институты – избегая создания плеяды губительных групп интересов, которые могут саботировать оба проекта. (И, можно было бы добавить, без истощения запаса человеческого и физического капитала, от которого зависит будущее Беларуси.) При всей своей самобытности (но, в конце концов, все страны самобытны...), Беларусь фактически борется с ключевыми проблемами нашего века, с которыми сталкиваются все страны.

Во-вторых, при всех достижениях Беларуси (как как страны с уровнем дохода выше среднего) в области развития, эти достижения в настоящее время весьма уязвимы, как вследствие макроэкономических шоков, так и по причине усиливающегося политического напряжения между Востоком и Западом, которое на данный момент являет собой основную характеристику международного окружения для Восточной Европы. Со времен валютного кризиса 2010–2011 гг., Беларусь постоянно сталкивается с риском суверенного дефолта и стагнацией уровня жизни. Принимая во внимание то, что перспективы роста основных экспортных рынков (России и ЕС) в лучшем случае едва теплятся и что попытки реформ сдвинуть «центр тяжести» экономики от государственного к частному сектору зашли в тупик, неясно, с чего вдруг экономические перспективы Беларуси в обозримом будущем должны значительно улучшиться. Политически, Беларусь разрываемая усиливающимся напряжением между Россией и НАТО; и хотя ловкое дипломатическое маневрирование между Востоком и Западом и расширяющееся взаимодействие с Китаем позволяют получить некоторые преимущества, все это меркнет в сравнении с тем, что принес бы с собой общеевропейский (не говоря уже о глобальном) порядок, в котором мир, развитие и мультикультурализм играли бы более сильную роль. В мире, где все большее число стран оказывается в ловушках медленного роста и

² **Стиглиц**, среди прочих, достаточно выразительно аргументировал эту точку зрения.

сталкивается с рисками в области развития и безопасности, Беларусь вдруг может оказаться в арьергарде.

В-третьих, белорусская дипломатия была, возможно, наиболее активной в Европе в поиске устраивающих стороны партнерских отношений между Евразийским Экономическим Союзом (членом которого является Беларусь) и Европейским Союзом, который для нее является вторым по величине экспортным рынком, а также основным источником внешнеэкономической помощи в области развития, денежных переводов и технологий. Продвижение Беларусью идеи «[интеграции интеграций](#)» может рассматриваться как призыв к прагматичным решениям нежелательных последствий транснациональной интеграции. Она также просит обратить внимание на необходимость выхода за рамки иногда конкурирующих региональных интеграционных инициатив и более широкого применения многосторонних подходов к решению проблем в области развития и безопасности. В этом отношении Беларусь тоже может оказаться в арьергарде.

Подводя итог: Беларусь – это страна, чьи амбиции в области развития неразрывно связаны с вызовами, которые несет в себе одновременное усиление государственных и рыночных институтов, использование принципа многосторонних отношений для преодоления нежелательных последствий регионализма, а также необходимость достижения всего этого способами, которые будут способствовать восстановлению и укреплению человеческого и физического капитала, от которых зависит ее будущее. Белорусский опыт не претендует на то, чтобы лечь в основу всеобъемлющих парадигм развития или причисать всех под одну гребенку, но указывает на необходимость прагматичных сочетаний реформ управления в частном и государственном секторах, согласующихся с национальной спецификой и принципами устойчивости и инклюзивности, лежащими в основе глобальной Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.; он также может помочь в том, чтобы уравновесить при помощи логики многостороннего мира, безопасности и развития процессы региональной интеграции, которые в противном случае являются конкурирующими. Это то, чем является «Минский консенсус» (или то, чем он мог бы стать).

Позиция, представленная в документе, отражает точку зрения авторов и может не совпадать с позицией организаций, которые они представляют, а также ни в коей мере не может рассматриваться как позиция Европейского союза.

2017 © Исследовательский центр ИПМ

Автор – спикер KEF-2017 [Бен Слэй](#)